

ВСЕВОЛОД МИЛЛЕР КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ИНТЕРПРЕТАТОР НАРТОВСКИХ СКАЗАНИЙ

Л.А. Чибиров

Научное наследие В.Ф. Миллера отмечено выдающимися достижениями в области лингвистики, истории, этнографии и археологии. Его глубокие познания в сфере этнических культур народов Северного Кавказа и прежде всего осетин позволили ему стать основоположником нового научного направления – нартологии. Им были сделаны первые попытки научного осмысления исторической основы существования эпических сказаний о нартах. Заслуги ученого в деле собирания, публикации и популяризации осетинских сказаний велики. Миллер первым высказал об интернациональном характере сказаний. Он же впервые провел яркие параллели между нартовскими сказаниями осетин и скифо-аланским бытом, послужившие весомым аргументом в обосновании этногенетического вывода о скифо-алано-осетинском единстве. Работы ученого заложили основы сравнительно-исторического исследования эпоса, успешно продолженного его последователями (В. Абаев, Ж. Дюмезиль). Труды Миллера, по определению Ж. Дюмезиля – «русского ученого высшего класса», не потеряли своей значимости до наших дней.

Ключевые слова: Миллер, нартовские сказания, скифы, аланы, этногенез, сравнительно-исторический анализ.

Выдающийся русский ученый – славист, знаток мифологии народов Кавказа и индоевропейского мира, Всеволод Федорович Миллер имеет исключительные заслуги в развитии научного кавказоведения, особенно науки об Осетии и осетинах. Его основополагающие «Осетинские этюды» В.И. Абаев не без основания окрестил «своего рода энциклопедией осетиноведения» [1, 20].

В своих исследованиях Миллер выступал одновременно как лингвист, фольклорист, археолог и этнограф. Основываясь на эти научные направления, он анализирует материал и делает выводы по целому ряду существующих в нартоведении проблем. «Изучив обширный материал, собранный как им самым, так и его предшественниками, и помощниками из интеллигентных осетин, он сделал ряд выводов, имеющих

прочное и непреходящее значение» [2, 146].

Миллер внес огромный вклад в собирание и исследование фольклора народов Кавказа. Что касается Осетии, то здесь Миллера – основоположника нартологии – больше всего интересовали сказания как наиболее древние и ценные источники. Нартовский эпос, писал он, «весьма богатый по содержанию, заслуживает серьезного изучения. Разделяя судьбу всех устных произведений, он содержит в себе массу подновлений, смешений имен, но все же содержит много древнего. Некоторые исторические воспоминания и такие черты быта, которые уже отжили свой век» [3, 425]. В трудах этого первопроходца в научном изучении нартовского эпоса «были сделаны первые попытки научного осмысления исторической основы существования эпических сказаний».

Во время своих многократных экспедиционных поездок в горные районы Северной и Южной Осетии (1880–1886) Миллер, наряду со сбором языкового материала и изучения исторических памятников, уделял много внимания сбору фольклорного материала. Глубокое и всестороннее изучение истории и культуры народа им достигнуто благодаря прекрасному освоению осетинского языка. Им даны фонетически точные записи на языке оригинала, отображающие образцы диалектов осетинского языка и говоров.

К сбору и подготовке к изданию сказаний Миллер подошел весьма ответственно... Он не только приводит тексты записанных сказаний, но каждому из них дает подробные комментарии (о чем, кем и где еще записывалось сказание и др.). «При издании осетинских текстов, – писал Миллер, – мы вынесли на первый план точность транскрипции и потому нам пришлось во многом отступать от алфавита, установленно-го для осетин акад. Шегреном...» Для большей достоверности, как бы проверяя себя, Миллер перечитал все тексты дважды: первый раз с Саввой Кокиевым во Владикавказе, а другой раз – с Соломоном Туккаевым. К своим записям Миллер давал русский перевод, позволивший сохранить эпический стиль повествования и тонко передать оттенки языка исполнителя. Записанные им фольклорные тексты опубликованы в различных изданиях, в таких как «Осетинские этюды», на страницах газ. «Терские ведомости» и в книге о дигорских сказаниях (с русским переводом и комментариями). Естественно, они изложены на прекрасном русском языке и сопровождаются ценными комментариями. В «Осетинских этюдах» им опу-

бликовано 15 сказаний. Варианты большинства из них публиковались раньше («Созрыко», «Урузмаг и Сатана», «Как родился Батраз», и др), но среди них были и кадаги, ранее не печатавшиеся: «Как родилась Сатана», «Урузмаг и Созрыко») [4, I, 9-11].

Миллер прекрасно понимал ценность нартских сказаний. В них он обнаружил целый этнографический пласт скифо-нартских параллелей. Окрестив осетин «европейскими иранцами», Миллер обнаружил много общих черт в их обычаях, сказаниях с тем, каким рисовали античные авторы быт скифов. Этим была вызвана его озабоченность своевременно их собрать. «Наше собрание осетинских текстов открывается рядом т.н. нартских сказаний, записанных мною летом 1880 г. во Владикавказе, в Алагире и Садоне со слов некоторых стариков-осетин. Эти наиболее древние и ценные сказания, находятся в периоде вымирания. Их помнят и рассказывают некоторые старики, молодое же поколение знает очень мало о нартах, не более чем подмосковные крестьяне об Илье Муромце или Добрыне Никитиче» [4, I, 6]. Поэтому вслед за Пфафом он призывал записывать по возможности больше сказаний, думая, что лет «через 15–20 уже некому будет в Осетии прославлять подвиги Батразов, Урузмагов и других удалых нартов» [4, I, 616]. К счастью, опасения Миллера оказались напрасными. После него сборы нартских сказаний продолжались более интенсивно еще в течение ряда десятилетий, в результате чего накопилось солидное наследство, целая сокровищница национальной культуры. В одном оказался прав Миллер: со временем масштабность и уровень знаний эпоса сказителями пошли на убыль.

Всеволоду Миллеру принадлежит ряд исследований о нартовском эпосе, в которых отдельные сюжеты сказаний рассматриваются с исторической точки зрения (метод сравнительного анализа), определил суть сказаний. Ученый подчеркивал, что эпос не является мифологическим, но вместе с тем предостерегал от поисков в нартовских сказаниях отзвуков конкретных исторических событий. Он подвергает критике В. Пфафа, крайне увлеченного осетинской историей, за то, что пользовался нартовским эпосом как источником для своих работ по истории. В подобного рода рассуждениях ученого Ю.С. Гаглойти усматривает тенденцию нигилистического отрицания исторической интерпретации эпических сказаний [5, 50]. С таких же позиций Миллер критиковал кабардинца Шора Ногмова, также рассматривавший нартовские сказания в своей «Истории Адыгейского народа» [4, I, 7].

В.Миллер был первым, кто высказал об интернациональном характере нартовского эпоса народов Северного Кавказа. «Из изданных материалов фольклора горских народов видно, что нарты и сказания о них также хорошо известны и другим, соседним с осетинами народам Северного Кавказа: чеченцам, балкарцам, особенно кабардинцам». Конкретизируя эту мысль, Миллер, спустя 10 лет, отмечал: «...богатырские сказания северо-кавказских национальностей представляют собой один эпический цикл, который можно назвать «Северокавказским». Тогда же он высказывает предварительные суждения о степени бытования сказаний у того или иного народа. Горские татары, живущие в горной южной Кабарде, заимствовали некоторые у кабардинцев

или нашли их на новой родине, раньше них населенной осетинами. Что касается чеченцев, то, по мнению Миллера, их нартовские сказания находятся под сильным влиянием осетинских, на что указывают варианты собирателя чеченца Чаха Ахриева [6, 38-46].

Наряду с этими верными оценками, среди его высказываний об эпосе имеются такие, которые оказались опровержимыми.

Миллеру казалось, будто сказания по происхождению более кабардинские, нежели алано-осетинские. Он писал: «Личное наше мнение в данном случае то, что кабардинский эпос сильно повлиял на осетинский, а последний и кабардинский-на сказания балкарцев. Конечно же, это не более чем догадки, ибо имело место лишь обратное влияние осетинского на кабардинский [7, 15-20]. В другой своей работе его высказывание о природе эпоса не соответствует вышеприведенному «В настоящее время, когда только начинают обнаруживать народные эпические сказания кавказских горцев, еще рано ставить вопрос, у которого из этих народов они возникли впервые и в какое время распространились среди других. Можно только констатировать факт, что большая часть, например, известна кабардинцам и чеченцам и что, за немногими исключениями, имена осетинских нартов носят не осетинский, а кабардинский или иностранный характер» [8, 80]. Вряд ли прав абхазский нартовед А. Аншба, на основании высказанного назвавшего Миллера сторонником кавказской концепции. По сути, слова Миллера никоим образом нельзя воспринимать как свидетельства в пользу кавказской концепции формирования эпоса; в них заложено совершенно другое содержа-

ние: эпос возник у какого-то одного народа и распространился среди других народов. У какого народа возник раньше, Миллер, видимо, догадывался. Но в ту пору еще не сложилось его окончательное мнение. Следует учесть и то, что статья была написана полтора столетия назад, в начальный период сбора сказаний. А картина, сложившаяся тогда, претерпела серьезные изменения ко времени завершения работы над сбором эпического материала. Исходя из нынешнего состояния, и по объему и по полноте нет равных осетинским сказаниям; они значительно превосходят кабардинские и тем более ингушские и чеченские. Неслучайно для параллелей со скифским бытом Миллер обратился в прошлое осетинского народа, проводя убедительные скифо-нартвовские параллели.

Из-за недостаточности материала по эпосу народов Кавказа, не все высказанное ученым утвердилось в нартоведении. Миллер оказался неправ относительно происхождения имен эпоса. Перечисляя имена героев (Батрадз, Урузмаг, Созырыко, Сатана, Хамыц, Амыран, Сырдон, Килахсартаг), ученый пишет, что они встречаются в собранных им образцах, хорошо известны кабардинцам и балкарцам, а также некоторым грузинам. Однако, как было установлено впоследствии, имена Батрадз и Хамыц одни ученые считают монгольского происхождения, другие – иранского, но никто не считает их адыгскими или балкарскими. Что касается имен Урузмаг, Сырдон, то наряду с Уархаг, Ахсар, Ахсартаг, Ахсина, Бурафарниг, Фарныг, Ацырухс, Дзерасса, Абаев считает их иранскими [2, 25]. Исключение составляет имя Сослан; в такой форме известен дигорцам. Что касает-

ся варианта Созырыко, то это не что иное, как кабардинизированная форма имени Сослан, свидетельствующая об обратном влиянии адыгского на осетинский [9, 78]. Ошибочным оказался и вывод Миллера о том, что «в нартских осетинских сказаниях не сохранилось намеков на воинственных дев; быть может, вследствие мусульманского влияния» [4, III, 91]. Остается сожалеть, что во времена Миллера ученый мир еще не был знаком с андиевскими вариантами нартвовских сказаний осетин, которые считаются наиболее архаичными; в них повествуется о девичьем отряде дочери Даргавсара, успешно сражавшегося с великанами и маликами [10, 261-262].

Вышеприведенные суждения Миллера, названные им самым догадками, вполне объяснимы. Они отражают уровень изученности нартвовских сказаний, который в 80-х гг. XIX в. был еще на начальной стадии. Послушаем самого Миллера: «В настоящее время, когда только что начали собирать и записывать кавказские нартские сказания, когда сравнительно немного из них изданы на местных языках, когда еще не начата детальная разработка этого эпического материала, конечно, еще рано делать выводы о значении этого эпоса для древней истории кавказских народов» [3, 424]. Именно этим объясняется их недостаточная обоснованность, ибо к моменту их высказывания нартоведение находилось еще на начальной фазе своего развития. Лишь когда версии эпоса сформировались у всех носителей Нартиады, стал возможен их сопоставительный анализ, позволивший заглянуть и в их истоки.

Наряду с указанными Миллеру принадлежат высказывания, подтвержденные последующими работами. В

частности, он писал, что большая часть осетинских сказаний известна кабардинцам и чеченцам [4, I, 8]. В действительности, как ныне установлено, нартовский эпос окончательно сформировался в аланской среде на Северном Кавказе. Оттуда наибольшее влияние эпос оказал на территориально ближайших соседей: на кабардинцев с запада, и на ингушей и чеченцев – с востока [7, 18-19].

Миллер был первым в науке, у которого возникла мысль о сопоставлении скифских древностей с осетинским бытом и эпосом, и тем обратил внимание ученых на скифо – осетинские эпические и этнографические параллели. Он убедительно проиллюстрировал связь нартовского эпоса со скифским миром. Эту идею ученый осуществил в своей ставшей знаменитой статье «Черты старины в сказаниях и быте осетин».

Эта работа Миллера является выдающимся трудом, не потерявшим своего значения по настоящее время. В ней, как отмечено Абаевым, проводятся столь яркие и блестящие параллели между нартовскими мотивами и скифо-сарматским и аланским бытом, что не остается места для сомнений, где следует искать истоки нартовского эпоса» [1, 24]. Оригинальность «Черты старины...» Абаев увидел в том, что в ней не сопоставляются одни фольклорные мотивы с другими, а фольклорные мотивы с одной стороны и исторические реалии (быт скифов, сарматов и алан) с другой» [1, 25]. Из этой статьи впервые мы узнаем, что эпос формировался как в степных районах юга России и на Северном Кавказе, так и в горах Центрального Кавказа, куда осетины были загнаны татаро-монголами. Ученый пишет не только о географическом раз-

мещений в древности народов Кавказа, но и фиксирует «отголоски и следы таких понятий и такого быта, которые мы узнаем, например, в известиях Геродота о скифах и сарматах». И это свое положение Миллер подкрепляет известными параллелями. Общую основу увидел ученый в обычае скальпирования и утилизации скальпов для шуб в нартовском эпосе осетин (Сказание о Сослане) и в сообщении Геродота как гордится скиф скальпами, навешивая их на уздечке коня. Известна нартовская чаша уацамонга, которую, наполненную до краев ронгом, ставили на видном месте в окружении нартов. Если нартовский герой рассказывал правду о своих подвигах, чаша сама поднималась к устам героя. Такая же чаша была у скифов, из которой могли пить только те из них, которые совершили подвиг, умертвив врагов [11, 66]. Получается, у обоих народов чаша была «определителем» подвига. Народные предания о происхождении скифов (родоначальник скифов происходит от Бога и нимфы), и весьма сходное предание в нартовских сказаниях осетин (дочь Донбеттыра стала женой Хамыца), браки между близкими родственниками у иранцев и женитьба Урузмага на свою сестру, сходство греческого предания о Прометее и осетинское сказание об Амыране и др. Как писал ученый, разделяя судьбу всех устных произведений, эпос содержит в себе массу подновлений, смешений имен, но все же содержит много древнего, ряд исторических воспоминаний и черт быта, уже отживших свой век.

Для другого комплекса параллелей со скифо-сарматским бытом Миллер использовал данные этнографии осетин. По Миллеру, осетинские знахари придерживались тех же правил, что

и скифские гадальщики на палочках. Миллер видит общее между неумеренным характером похоронных обычаев у скифов и осетин, проводит параллель о святотатстве по отношению к *очажному огню* у скифов и осетин и т.д.

Проведенные Миллером параллели оказались настолько удачными, что остаются до сих пор в центре внимания исследователей. Нартовской тематики Миллер касается и в своей энциклопедической статье «Осетины», подчеркивая, какой «значительный интерес представляет народная словесность осетин, особенно сказания о богатырях, называемых нартами» [12, 265].

Вышеприведенные неполные параллели и сопоставления, сделанные Миллером, позволили В.И. Абаеву с уверенностью говорить, что «осетинский нартовский эпос в своей существенной части восходит к сарматской и скифской эпохе и продолжает эпическую традицию этих народов» [13, 84]. Этими параллелями Миллер сумел доказать, что осетинские нартовские сказания донесли до наших дней в художественных мотивах многое из того, что нам рассказывают из жизни скифов, сарматов и алан Геродот и Аммиан Марцеллин [2, 370].

Таким образом, Миллер впервые обратил внимание на связь нартовских сказаний с иранскими древностями, пытался выяснить влияние последних на эпос осетин, пришёл к выводу, что в нартовском эпосе нашли отражение не только элементы материальной и духовной культуры алан-осетин, их мировоззрение, нравы, обычаи, но и некоторые отголоски и следы скифского быта. На эту сторону значимости работы обратил внимание В.А. Кузнецов, который писал: «В.Ф. Миллером с поразитель-

ной наблюдательностью были показаны параллели между скифским бытом по Геродоту и некоторыми обычаями легендарных нартов. Тем самым подтверждалась как глубокая древность отдельных сюжетов осетинского нартовского эпоса, так и культурно-генетическая диахронная преемственность осетин от скифов. Шире говоря от древней североиранской среды» [14, 155].

Проведенными скифо-осетинскими фольклорно-этнографическими параллелями, Миллер сделал первый шаг в сравнительном изучении скифских и осетинских сказаний и обычаев, что послужило весомым аргументом в обосновании этногенетического вывода о скифо-алано-осетинском единстве. Им было заложено основание для благодатной работы, которую продолжили последователи ученого – Ж. Дюмезиль, В. Абаев, Т. Гуриев, Ю. Гаглойти, Ю. Дзиццойти, А. Туаллагов и др. При этом если Миллер опирался на единичные параллели, то, спустя столетие, схожие явления выросли в разы.

После знакомства с нартовскими сказаниями осетин и их записи в начале 80-х годов, у Миллера появился интерес и к тем народам, у которых также были свои версии эпоса. Своеобразный итог знакомства с нартовским эпосом народов Северного Кавказа ученый подвел в трех этюдах под названием «Кавказско-русские параллели (Экскурс в область русского эпоса 1882)». Название другой статьи «Кавказские сказания о циклопах» [3, 437-452] говорит само за себя. Отдельную работу Миллер посвятил греческому Прометею, отыскав ему широкие параллели в Армении, Кабарде, Осетии.

Заслуживают внимания серия рецензий Миллера на выпуски «Сбор-

ника материалов по описанию местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) в журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП). В них не обошлись без внимания ученого и материалы о нартовских сказаниях. Миллер добрым словом откликнулся на сказания о нартовских богатырях у татар-горцев Урусбиева, отмечая, что имена у них, как и у осетин и кабардинцев, совпадают (Урузмек, Сосруко, Шауай, Ширдан, Хмич) [15, 391]. Добрым словом Миллер откликнулся на записанные на русском языке нартовские сказания учителем осетинской Георгиевской школы Кубанской области Баталпашинского уезда Асламурзой Кайтмазовым. Он выразил признательность Кайтмазову за проведенную работу «ввиду быстрого вымирания сказаний о нартах» [16, 127].

А в рецензии на опубликованные в очередном выпуске СМОМПК этнографические и лингвистические материалы Лопатинского Миллер обратил внимание на «сказания о Сосру». Он пишет о «несколько других эпизодов из сказания о нарте Сосруко изданные г. Лопатинским в кабардинских текстах с переводом и примечаниями, в которых указаны и осетинские параллели тех же сюжетов» [17, разд. 1.2].

В трудах Миллера имеется значительное число параллелей между героями и мотивами нартовского эпоса, с одной стороны, и русскими былинами – с другой: тот же мотив убийства Урузмагом своего сына встречается в цикле Ильи Муромца. Образ русского богатыря Святослава Миллер сопоставляет с образом великана Мукара из нартовских сказаний. В обоих эпосах внимание Миллера привлеч мотив «сумы с тягой земной», которую не в силах под-

нять ни нартовский герой Батрадз, ни былинный богатырь Святогор [2, 147].

Миллером проведены и параллели осетинского и иранского эпосов. Нечаянное убийство Урузмагом своего сына им сравнивается с известным эпизодом из иранской поэмы Шах-Наме, как Рустем убивает своего сына Зораба. Однако, как отмечено Абаевым (и поддержано Ж. Дюмезилем), нартовско-иранские параллели, носят «слишком общий характер и могут быть отмечены в фольклоре многих других народов» [2, 147]. По Абаеву, Миллер переоценивает иранское влияние на фольклор народов Кавказа [1, 240]; в частности у Василия Ивановича вызывают сомнения следующие вопросы: натянутость сравнений кровосмесительного брака Урузмага и Сатаны и иранского обычая вступление в брачный союз братьев и сестер Миллером проведены и кавказо-греческие параллели, сравнивает сказания о великанах у народов Кавказа с греческим Полифемом и подчеркивает наибольшую близость к древнегреческим мифам осетинских и мингрельских древностей [3, 438-441].

Заслуги Миллера в изучении осетинского фольклора поистине велики. При этом, как указано выше, он не ограничивался записями и публикацией текстов, но «заложил основы научного изучения и исторического истолкования важнейших элементов осетинского фольклора». И, развивая высказанную мысль, Абаев продолжает: «Достаточно сказать, что монументальный героический эпос осетин, сказания о нартах, впервые в нем (в Миллере. – Л.Ч.) нашел своего компетентного исследователя и интерпретатора» [1, 24]. Выводы, сделанные Миллером по нартовским сказаниям, имеют прочное и непреходящее значение.

Ядром осетинских версий нартовских сказаний являются древние скифские и аланские мифы. Таков вывод, сделанный Миллером на основе скрупулезного изучения эпоса. К такому заключению пришел ученый, обнаружив в скифских эпиграфических надписях имена нартовских героев. Вывод, сделанный Миллером на основании анализа Нартиады, был безупречен: «фольклорно-исторические параллели в своей существенной части, восходящие к скифской и сармато-аланской эпохе, продолжают эпические традиции этих народов». Этот вывод о генезисе Нартиады получил дальнейшее развитие в трудах последующих поколений ученых

Заслуги Миллера как основоположника нартологии довольно значимы и представлены Абаевым в следующих словах: «В.Ф. Миллер заложил основы сравнительно-исторической разработки новой для того времени темы; скифы и осетинский героический эпос.

Он показал, что в образах, мотивах и сюжетах народной осетинской героической эпопеи о богатырях нартах многое перекликается с легендами и обычаями скифов, и что стало быть, и что не только язык осетин, но и их эпос преемственно связан со скифо-сарматским миром [2, 429]. Впервые в трудах Миллера осетинские нартовские сказания были представлены в совокупности сказаний обо всех его главнейших героях, на языке оригинала и в русском переводе, с подробными лингвистическими и фольклористическими комментариями [18, 11]. Благодаря изысканиям В.Ф. Миллера в науке утвердилось положение о том, что предки осетин пришли на Кавказ не только со своим языком, но и со своим эпосом [19, 309].

Труды Миллера – «русского ученого высшего класса» (Дюмезиль) – не потеряли своей значимости до наших дней; на них опирались и опираются целые поколения исследователей-нартоведов.

1. Абаев В.И. Всеволод Миллер как осетиновед. К 100-летию со дня рождения // ИЮОНИИ. 1948. Вып. VI.

2. Абаев В.И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1.

3. Миллер В.Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин // В горах Кавказа. Владикавказ, 1998.

4. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1992. Ч. I-III. [Репринтное издание].

5. Гаглойти Ю.С. Некоторые вопросы историографии нартовского эпоса. Цхинвал, 1977.

6. Ахриев Ч. Из чеченских сказаний // Сборник сведений о кавказских горцах. 1871. Вып. V.

7. Чибиров Л.А., Кусаева З.К. Осетино-адыгские нартовские параллели // Вестник Владикавказского научного центра. 2019. Т. 19. № 4. С. 15-22.

8. Миллер В.Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. I-VIII.

9. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин. Цхинвал, 1982.

10. Чибиров Л.А. Осетинская Нартиада. Мифологические истоки и ареальные связи. Владикавказ, 2016.

11. Геродот. История. М.–Л., 1972.

12. Энциклопедический словарь / Сост. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб, 1897. Т. XXII.
13. Абаев В.И. Скифо-осетинские изоглоссы. М., 1965.
14. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
15. Миллер В.Ф. Кавказские предания о великанах, прикованных к горам // Журнал Министерства Народного Просвещения (ЖМНП). Январь. 1883. Пятое десятилетие. Часть ССХХV. СПб., 1883.
16. Миллер В.Ф. Эпиграфические следы иранства на юге России // ЖМНП. Шестое десятилетие. Часть ССXLVII. 1886. Октябрь. С. 232-283.
17. Лопатинский Л.Г. Кабардинские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1891. Вып. 12. Разд. 1, 2.
18. Алиева А.И. Академик В.Ф. Миллер и развитие российского академического кавказоведения в конце XIX – начале XX в. // Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа: тексты, исследования. М., 2008. С. 9-72.
19. Чибиров Л.А. Имена. Очерки. Владикавказ, 2010.

Chibirov, Lyudvig A. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); l.chibirov@mail.ru

VSEVOLOD MILLER AS A RESEARCHER AND INTERPRETER OF THE NART LEGENDS.

Keywords: Miller, Nart legends, Scythians, Alans, ethnogenesis, comparative historical analysis.

V.F. Miller's scientific heritage is noted for outstanding achievements in the field of linguistics, history, ethnography and archaeology. His deep knowledge of ethnic cultures of the peoples of the North Caucasus, and above all the Ossetians, allowed him to become the founder of a new scientific direction – Nartology. He made the first attempts to scientifically comprehend the historical basis of the existence of epic legends about the Narts. The scientist's merits in the collection, publication and popularization of Ossetian legends are great. Miller was the first who expressed the international character of legends. For the first time he drew vivid parallels between the Nart legends of the Ossetians and the Scythian-Alanian way of life, which served as a weighty argument in substantiating the ethnogenetic conclusion about the Scythian-Alano-Ossetian unity. The scientist's works laid the foundations for a comparative historical study of the epic, which was successfully continued by his followers (V. Abaev, G. Dumézil). Miller's works, by the definition of G. Dumézil, "a Russian scientist of the highest class," have not lost their significance to this day.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *Vsevolod Miller kak osetinoved. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya* // *Izvestiya YuONII* [Proceedings of the South Ossetian Research Institute]. Stalinir. 1948, iss. VI.
2. Abaev, V.I. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vladikavkaz, 1990, vol. 1.
3. Miller, V.F. *Cherty stariny v skazaniyakh i byte osetin* [Traits of antiquity in the

legends of life of the Ossetians]. *V gorakh Kavkaza* [In the mountains of the Caucasus]. Vladikavkaz, 1998.

4. Miller, V.F. *Osetinskie etyudy* [Ossetian etudes]. Moscow, 1992, parts I-III. [Reprint edition].

5. Gagloiti, Yu.S. *Nekotorye voprosy istoriografii nartского eposa* [Some questions of the historiography of the Nart epic]. Tskhinval, 1977.

6. Akhriev, Ch. *Iz chechenskikh skazanii* [From Chechen legends]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collection of information about the Caucasian highlanders]. 1871, iss. V.

7. Chibirov, L.A., Kusaeva, Z.K. *Osetino-adygskie nartovskie paralleli* [Ossetian-Adyghe Nart parallels]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra* [Vladikavkaz Scientific Center Bulletin]. 2019, vol. 19, no. 4, pp. 15-22.

8. Miller, V.F. *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa* [Excurses to the sphere of Russian folk epic]. Moscow, Tip. I.N. Kushnerova i K^o, 1892. I-VIII.

9. Abaev, V.I. *Nartovskii epos osetin* [Nart epic of the Ossetians]. Tskhinval, 1982.

10. Chibirov, L.A. *Osetinskaya Nartiada. Mifologicheskie istoki i areal'nye svyazi* [Ossetian Nartiada. Mythological origins and areal connections]. Vladikavkaz, 2016.

11. Herodotus. *Istoriya* [History]. Moscow-Leningrad, 1972.

12. Brokgauz, F.A., Efron, I.A. (eds). *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1897, vol. XXII.

13. Abaev V.I. *Skifo-osetinskie izoglossy* [Scytho-Ossetian isoglosses]. Moscow, 1965.

14. Kuznetsov, V.A. *Alano-osetinskie etyudy* [Alanian-Ossetian etudes]. Vladikavkaz, 1993.

15. Miller, V.F. *Kavkazskie predaniya o velikanakh, prikovannykh k goram* [Caucasian legends of giants chained to the mountains]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya (ZhMNP)* [Journal of the Ministry of Public Education (JMPE)]. 1883, fifth decade, part CCXXV, January.

16. Miller V.F. *Epigraficheskie sledy iranstva na yuge Rossii* [Epigraphic traces of Iranianism in the south of Russia]. *ZhMNP* [JMPE]. 1886, sixth decade, part CCXLVII, October, pp. 232-283.

17. Lopatinsky, L.G. *Kabardinskie teksty* [Kabardian texts]. *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus]. 1891, iss. 12, parts 1, 2.

18. Alieva, A.I. *Akademik V.F. Miller i razvitie rossiiskogo akademicheskogo kavkazovedeniya v kontse XIX – nachale XX v.* [Academician V.F. Miller and the development of Russian Academic Caucasian Studies in the late 19th – early 20th centuries]. *Miller V.F. Fol'klor narodov Severnogo Kavkaza: teksty, issledovaniya* [Miller, V.F. Folklore of the peoples of the North Caucasus: texts, research]. Moscow, Nauka, 2008, pp. 9-72.

19. Chibirov, L.A. *Imena. Ocherki* [The names. essays]. Vladikavkaz, 2010.